

]

Все участники застыли с открытыми ртами. Цянь Вэй, забыв о статусе телезвезды, даже выругалась:

— Твою ж мать, вот это мощно.

А что, так можно было?

Даже режиссеры не ожидали такого поворота.

И только Чжоу Чун сиял от гордости:

— Сокровище Циншань, ты просто гений!

Вот уж кто настоящий фанат. В такой ситуации еще и хвалит.

Режиссерская группа всерьез заподозрила, что если бы Шань Циншань действительно швырнул Пань Инчжэ в яму, Чжоу Чун стоял бы рядом и аплодировал.

Шань Циншань затащил Пань Инчжэ обратно.

У того подкосились ноги, он рухнул на землю, тяжело дыша от пережитого ужаса.

— Кажется, я свою прабабку увидел.

Он медленно поднял голову на Шань Циншаня:

— Съёмочная группа, может, и не люди, но ты — настоящий пес.

Голос Шань Циншаня оставался бесстрастным:

— Извини.

Пань Инчжэ еще долго не мог подняться.

Вся его ревность и обида на Шань Циншаня испарились после этого толчка.

Если Шань Циншань когда-нибудь и дебютирует, то это будет совсем другой уровень.

Он слишком пугающий.

Опомнившись от «эпичного броска», остальные принялись за более доступные цели — Дун Хайлань и Фан Жуна.

Относительно простым казалось задание с Фан Жуном.

Шань Циншань протянул Пань Инчжэ руку:

— Ты как?

Тот только хотел ухватиться за ладонь, как наткнулся на ледяной, пронзительный взгляд Чжоу Чуна. В голове у Пань Инчжэ что-то щелкнуло, он всё понял и, молча отстранившись, встал сам.

Раньше он думал, что желание Чжоу Чуна всегда быть рядом с Шань Циншанем — это просто мужская дружба.

Теперь он видел: это была любовь.

Но ведь прошло всего несколько дней? Разве это может быть всерьез?

Скорее всего, богатый наследник увидел чистого, красивого и статного деревенского парня, и в нем проснулся азарт. Как только съемки закончатся, он уедет, и поминай как звали.

А для Шань Циншаня всё сложнее: если его «согнут», то уже на всю жизнь.

В голове Пань Инчжэ мгновенно разыгралась целая драма.

Чжоу Чун позвал:

— Сокровище Циншань, пойдем делать другие задания.

— Пошли.

Судя по всему, Шань Циншань и не догадывался о чувствах Чжоу Чуна.

Пань Инчжэ схватил Шань Циншаня за край одежды:

— Ты... тебе не кажется, что стоит держаться от Чжоу Чуна подальше?

Шань Циншань первым делом подумал о задании.

И схитрил:

— Задание Чжоу Чуна уже выполнено.

— Нет, я имею в виду другое... — Пань Инчжэ замялся, подбирая слова. — Ты что, гей?

Шань Циншань холодно спросил:

— С чего вдруг такой вопрос?

Шань Циншань впервые столкнулся с таким значением и на миг растерялся, но тут же сообразил: значит, gay — это «гомосексуал». Тогда понятно, откуда Пань Инчжэ узнал: Чжоу Чун ведь сам во всеуслышание говорил, что он gay.

Пань Инчжэ выпалил:

— Этот Чжоу Чун... он не совсем нормальный, ему нравятся мужчины.

Удивление на лице Шань Циншаня сменилось еще большим холодом, чем обычно.

— Ему просто нравятся не те люди, что тебе. С чего ты взял, что он ненормальный?

— Я... прости, я не это имел в виду. Я просто хотел тебя предостеречь. Мальчикам тоже нужно уметь защищать себя.

Шань Циншань понял скрытый смысл его слов.

— Я знаю, что вы уедете.

Он всё прекрасно понимал.

Он и Чжоу Чун — из разных миров.

Чжоу Чун уедет, и ничто здесь его не задержит.

Тем временем Цянь Вэй и Дун Хайлань уже сговорились против Фан Жуна.

После короткого совещания они пришли к выводу: боязно.

Увидев это, Шань Циншань сказал:

— Пойдем.

Чжоу Чун кивнул.

Продолжать не было смысла.

Они уже выполнили по одному заданию, плюс их собственные карточки давали еще два потенциальных балла.

Остальные задачи: даже если посмотреть на пресс — это всего один балл.

А задание с Дун Хайлань...

За него можно было браться, только если завтра они планировали навсегда уйти из шоу-бизнеса.

Во дворе остальные всё еще заседали на Фан Жуна.

Шань Циншань и Чжоу Чун отошли уже довольно далеко, когда услышали вопль Фан Жуна.

Цянь Вэй под нелепым предлогом «посмотреть вязку свитера» внезапно задрала его одежду, и все увидели мягкий животик.

Никаких восьми кубиков там не было и в помине.

Шань Циншань повернулся к Чжоу Чуну:

— Что мне нужно сделать для тебя?

Сердце Чжоу Чуна пропустило удар.

Он понимал, что Циншань спрашивает про задание, но мысли всё равно унеслись не туда.

Казалось, стоит ему только попросить, и Сокровище сделает что угодно.

И он представил: Циншань обнимает его, целует, забирается в его объятия и, заглядывая в глаза, спрашивает — хочет ли он?

Чжоу Чун закрыл лицо руками.

Ему было двадцать шесть, он три года встречался с любимым человеком — душа, отлично

знакомая с постельными делами, в восемнадцатилетнем теле, склонном к импульсивным порывам.

Это было суровое испытание.

Он чувствовал себя извращенцем.

Чжоу Чун внезапно вспомнил их близость с Циншанем в прошлой жизни.

Тот был таким чувственным, таким инициативным, ему всегда было мало.

Когда же этот Циншань станет таким?

Но стоило Чжоу Чуну вспомнить, что нынешний Шань Циншань стопроцентно натурален, как его фантазии рассыпались, и на душе стало тоскливо.

— Просто улыбнись мне.

Шань Циншань, прождав целую вечность, услышал эту фразу и засомневался, что это задание от съемочной группы.

Слишком уж просто.

— Зачем?

...

«Ну и где наше взаимопонимание?»

«Разве мы не обсуждаем задания шоу?»

Но говорить прямо нельзя — секретность.

Чжоу Чун помолчал, глядя на него:

— Мне нравятся люди с красивой улыбкой. Не улыбнешься мне?

Между ними пронесся горный ветер.

— Значит, сейчас я тебе не нравлюсь? — спросил Шань Циншань.

Попытка Чжоу Чуна вскружить голову провалилась.

Он покрылся испариной, чувствуя себя как на допросе.

— Нет! Совсем не так! Ты мне нравишься! Сокровище, ну нельзя же так связывать эти две фразы! Неужели моя симпатия к тебе так незаметна?

Шань Циншань проигнорировал его и зашагал к дому.

Зрители в эфире неистовствовали:

«Он сказал, что любит его!»

«Но в такой ситуации это легко принять за просто дружескую симпатию! Как же обидно!»

«Посмотрите на лицо Сокровища — для него эта фраза звучит максимально невинно. Почему вы двое вечно ходите вокруг да около!»

«Они что, реально геи?»

...

Когда они вернулись, бабушка еще спала.

Шань Циншань сразу прошел в комнату.

Чжоу Чун следовал за ним по пятам.

— Циншань, ну улыбнись хоть разок.

Шань Циншань не реагировал.

Внезапно Чжоу Чун протянул руку, нырнул ему под одежду и начал щекотать за талию.

Шань Циншань вздрогнул, попытался увернуться и повалился прямо на кровать. Он сдерживался изо всех сил, но всё же прыснул от смеха. Помня, что бабушка спит, он не смел смеяться в голос — его смех превратился в прерывистый шепот, и он безрезультатно пытался угрожать:

— Не надо... не щекочи... пусти! Ха-ха, ха-ха...

У Чжоу Чуна, который поначалу просто хотел выполнить задание, в голове словно что-то взорвалось. Мысли стали совсем не платоническими.

Шань Циншань мучительно боролся со смехом, его бледное лицо залилось румянцем, а улыбка расцвела, как дивный цветок. Он не мог укрыться от этих рук, его тело мелко дрожало и изгибалось под прикосновениями, будто он не в силах был больше терпеть.

«Не надо?»

«Пусти?»

Пока Чжоу Чун не касался его — всё было нормально. Но стоило дотронуться — и всё в нем казалось мягким, ароматным, хрупким и вызывающим острую нежность.

— Чжоу Чун!

Шань Циншань изнемогал от щекотки, он был смущен и разгневан. Он уставился на него покрасневшими глазами, и этот взгляд окончательно лишил Чжоу Чуна рассудка.

— А?

Чжоу Чун навис над ним, его голос охрип, а сердце бешено колотилось.

Шань Циншань перехватил его запястья:

— Хватит! Бабушка спит!

Чжоу Чун внезапно пришел в себя. Он перестал щекотать, но вихрь мыслей в голове уже было

не остановить — воображение неслось на полной скорости в неведомые дали.

Он наклонился ниже, почти касаясь его лица.

— Хочешь со мной...

Экран прямой трансляции погас.

«Данный канал заблокирован за нарушение правил. При возникновении вопросов свяжитесь с администратором».

— НЕ-Е-ЕТ!!

Режиссерская группа в ужасе схватилась за головы.

Прямой эфир, аудитория которого уже перевалила за десять миллионов и продолжала расти, оборвался в один миг.

<http://bllate.org/book/19795/1950912>